

За рекой, в тени деревьев

Автор:

Эрнест Хемингуэй

За рекой, в тени деревьев

Эрнест Миллер Хемингуэй

Эксклюзивная классика (АСТ)

Осенняя Венеция. Холодная, но при этом не менее величественная и прекрасная...

Что влечет сюда главного героя – пожилого полковника Ричарда Кантуэлла, защищавшего этот город во время войны?

Воспоминания о былом. Тоска по ушедшей молодости. Попытка освободиться от ошибок прошлого. И... настоящая и единственная любовь к совсем еще юной девушке...

Эрнест Хемингуэй

За рекой, в тени деревьев

Ernest Hemingway

Across the River and Into the Trees

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1950

© Перевод. Е. Голышева, наследники, 2015

© Перевод. Б. Изаков, наследники, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Глава первая

Они выехали за два часа до рассвета, и сначала им не пришлось взламывать лед на канале, потому что впереди шли другие лодки. На каждой лодке стоял гребец с длинным кормовым веслом, в темноте их не было видно, и только слышался плеск воды. Охотник сидел на складном стуле, укрепленном на крышке ящика, где лежали еда и патроны, а ружья – два или даже больше – были прислонены к груди деревянных чучел. В каждой лодке был мешок с парой подсадных уток или уткой и селезнем; в каждой лодке сидела собака, собаки дрожали и метались, слыша над головой шум крыльев пролетающих во тьме уток.

Четыре лодки пошли вверх, на север, по главному каналу, к большой лагуне. Пятая свернула в боковой канал. А вот теперь и шестая лодка повернула к югу, в неглубокую лагуну, затянутую льдом.

Лед был сплошной; воду схватило в эту безветренную ночь, когда вдруг ударил мороз; упругий покров только гнулся под ударами кормового весла. Потом он лопался с треском, как оконное стекло, но лодка почти не двигалась.

– Дайте-ка весло, – сказал охотник в шестой лодке. Он встал и, сохраняя равновесие, расставил ноги. Ему было слышно, как в темноте пролетают утки, а в лодке шарахается с места на место собака. С севера доносился треск льда, который ломали другие лодки.

- Осторожно, - предупредил лодочник с кормы. - Не переверните лодку.

- Я не новичок, - сказал охотник.

Он взял у лодочника длинное весло и проткнул лед. Почувствовав твердое дно, он уперся грудью в широкую лопасть весла и, держа его обеими руками, оттолкнул лодку так, что весло очутилось уже возле кормы, а лодка двинулась вперед, ломая ледяную корку. Когда лодка врезалась в лед, а потом садилась на него днищем, лед раскалывался, как зеркальное стекло, и гребец на корме вел ее дальше по чистой воде.

Немного погодя охотник - он мерно, напряженно работал веслом и вспотел в теплой одежде - спросил лодочника:

- А где же наша бочка?

- Там, левее. В заливе, рядом.

- Может, мне пора сворачивать?

- Воля ваша.

- Что значит «воля ваша»? Вы ведь знаете, какая здесь глубина. Хватит тут воды, чтобы прошла лодка?

- Кто его знает! Вода спала.

- Пока мы будем канителиться, совсем рассветет.

Лодочник молчал.

«Ах ты черт собачий, - подумал охотник. - Ничего, доедем. Мы уже проплыли две трети пути, а если тебе неохота разбивать лед, чтобы я мог пострелять уток, это просто подло с твоей стороны!»

- А ну-ка поднатужься, хлюст ты этакий! - сказал он по-английски.

– Что? – спросил по-итальянски лодочник.

– Я говорю, что надо двигаться. Скоро рассветет.

Но уже светало, когда они наконец доплыли до большой дубовой бочки, врытой в дно лагуны. Бочку окружала покатая земляная насыпь, которую засадили камышом и осокой; охотник потихоньку ступил на нее и почувствовал, как мерзлые стебли ломаются у него под ногами. Лодочник вытащил из лодки складной стул с ящиком для патронов и передал охотнику; тот наклонился и поставил его на дно бочки.

На охотнике были высокие болотные сапоги и старая походная куртка с нашивкой на левом плече – никто не понимал, что это за нашивка, – и светлыми пятнышками на погонах, где раньше были звездочки; он спустился в бочку, и лодочник подал ему оба ружья.

Прислонив ружья к стенке бочки, он повесил между ними, на вбитых специально для этого крючьях, второй патронташ, а затем поудобнее расставил ружья по обе стороны патронташа.

– Вода есть? – спросил он у лодочника.

– Нет, – ответил тот.

– А воду из лагуны пить можно?

– Нет. От нее болят.

Охотник устал, разбивая лед, ему хотелось пить, он чувствовал, что начинает злиться, но сдержался.

– Хотите, я помогу разбивать лед и ставить чучела?

– Не надо, – ответил лодочник и с остервенением толкнул лодку на тонкий лед, который под ее тяжестью треснул и раскололся. Лодочник стал колотить по льду веслом, а потом швырять деревянные чучела во все стороны.

«Что это он ярится? – думал охотник. – Ведь он здоров как бык. Я выбивался из сил по дороге сюда, а он едва-едва нажимал на весло. Какая муха его укусила? Это же его работа!»

Он приладил складной стул так, чтобы можно было свободно поворачиваться направо и налево, распечатал коробку с патронами и набил ими карманы, потом распечатал еще одну коробку, но оставил ее наготове в патронташе. Перед ним в утреннем свете поблескивала стеклянная поверхность лагуны, а на ней виднелась черная лодка, крупное, могучее тело лодочника, разбивающего веслом лед и швыряющего за борт чучела, словно он хотел избавиться от чего-то непотребного.

Рассвело, и охотник увидел низкие очертания ближней косы по ту сторону лагуны. Он знал, что за этой косой стоят еще две бочки, дальше опять идут болота, а за ними – открытое море. Он зарядил оба ружья и прикинул в уме расстояние до лодки, которая расставляла чучела.

Позади он услышал приближающийся шелест крыльев, присел, выглядывая из-за края бочки, взял правой рукой ружье справа от себя, потом встал, чтобы выстрелить по двум уткам, которые косо падали на чучела, притормаживая крыльями, по двум черным уткам на фоне серого, тусклого неба.

Втянув голову в плечи, он широко занес ружье, вскинул ствол, целясь туда, куда летела утка, а потом, не глядя, попал он или нет, плавно поднял ружье, целясь выше и левее того места, куда летела другая утка, и, нажав курок, увидел, как, сложив на лету крылья, она упала среди чучел и осколков льда. Поглядев направо, он заметил и первую утку – черное пятно там же, на льду. Он знал, что правильно выстрелил и в первую утку, взяв много правее лодки, да и во вторую тоже, высоко подняв ствол и отведя его влево, давая утке уйти повыше и левее, чтобы лодка не попала под огонь. Это был отличный дублет – аккуратный и точный, с должной заботой о безопасности лодки, и, перезаряжая ружье, он был очень доволен собой.

– Эй, послушайте, – крикнул ему лодочник. – А ну-ка не стреляйте по лодке!

«Ах, будь я трижды проклят! – сказал себе охотник. – Отныне и во веки веков!»

– Бросайте свои чучела! – крикнул он лодочнику. – И побыстрее! Я не буду стрелять, пока вы не кончите, разве что прямо вверх.

Лодочник ответил что-то невнятное.

«Чепуха! – сказал себе охотник. – Он ведь это дело знает. И знает, что по дороге сюда я работал не меньше его. В жизни не стрелял аккуратнее и точнее. Чего же он взъелся? Я ведь предлагал ему вместе ставить чучела. Да ну его ко всем чертям!»

Справа лодочник все еще злобно колотил по льду и расшвыривал чучела уток, и каждое его движение было полно ненависти.

«Нет, я не дам тебе испакостить мне утро, – подумал охотник. – Если солнце не растопит лед, много тут не настреляешь. Несколько штук – и все, так что я не дам тебе изгадить мне охоту! Кто его знает, сколько раз еще мне придется стрелять уток, – я не позволю, чтобы мне испортили эту охоту!»

Он смотрел, как за длинной болотной косой светлеет небо, а потом, повернувшись в бочке, поглядел на замерзшую лагуну, на болота и на снежные горы вдали. Он сидел так низко, что предгорий не было видно, вершины отвесно поднимались над плоской равниной. Глядя на горы, он чувствовал, как в лицо ему тянет ветерком, и понял, что с восходом солнца задует ветер, потревожит птиц и они непременно прилетят сюда с моря.

Лодочник кончил расставлять чучела. Они плавали на воде двумя стайками: перед бочкой, чуть-чуть левее ее, в той стороне, откуда встанет солнце, и справа от охотника. Вот он выбросил за борт и подсадную утку вместе с привязью и грузилом, и живой манок стал окунать голову в лагуну – высовывал, снова погружал и расплескивал у себя по спине воду.

– А не расколоть ли еще немножко льда по краям? – крикнул охотник лодочнику. – Слишком мало чистой воды – они не сядут.

Лодочник ничего не ответил, но стал колотить веслом по рваной кромке льда. Ломать лед было ни к чему, и лодочник это знал. Но охотник этого не знал и думал: «Непонятно, что с ним происходит. Я не дам ему испакостить мне охоту. Не желаю, чтобы ей что-нибудь мешало, и ему не дам! Каждый выстрел теперь,

может быть, мой последний выстрел, и я не позволю какому-то сукину сыну портить мне охоту! Спокойно, мальчик, только не злись», – говорил он себе.

Глава вторая

Но он уже не мальчик. Ему пятьдесят, и он полковник пехотных войск армии Соединенных Штатов. И для того чтобы пройти медицинский осмотр за день до поездки в Венецию на охоту, он проглотил столько нитроглицерина, сколько было нужно для того, чтобы... он и сам толком не знал, для чего; для того, чтобы пройти этот осмотр, уверял он себя.

Врач выслушивал его с явным недоверием. Но, дважды измерив давление, все же занес цифры в карточку.

– Понимаешь, какое дело, Дик, – сказал он. – Тебе это не рекомендуется; больше того, при повышенном внутриглазном и внутричерепном давлении это противопоказано!

– Не понимаю, – сказал охотник, который только собирался стать охотником и пока что был полковником пехотных войск армии Соединенных Штатов, а раньше занимал генеральскую должность.

– Я ведь не первый день вас знаю, полковник. А может, мне только кажется, что я вас знаю давно?

– Нет, тебе это не кажется, – сказал полковник.

– Что-то мы оба будто романс запели, – сказал врач. – Только смотри не стукнись обо что-нибудь твердое и следи, чтобы в тебя не попала искра, раз ты так набит нитроглицерином! Хорошо бы на тебя навесить предохранительный знак, как на цистерну с горючим.

– А кардиограмма у меня в порядке? – спросил полковник.

– Кардиограмма у вас, полковник, замечательная! Не хуже, чем у двадцатипятилетнего. Да такой кардиограмме позавидуешь и в девятнадцать лет!

– Тогда чего же тебе надо? – спросил полковник.

Когда наглотаешься нитроглицерина, иногда немного подташнивает; ему хотелось, чтобы осмотр поскорее кончился. Ему хотелось поскорее лечь и принять соду. «Эх, я мог бы написать руководство по тактике обороны для взвода с высоким давлением, – подумал он. – Жаль, что нельзя ему этого сказать. А почему бы, в сущности, не сознаться и не попросить у суда снисхождения? Не сможешь, – сказал он себе. – Так до конца и будешь твердить, что невиновен».

– Сколько раз ты был ранен в голову? – спросил врач.

– Ты же знаешь, – ответил полковник. – В формуляре сказано.

– А сколько раз тебе попадало по голове?

– О Господи! – Потом он спросил: – Ты спрашиваешь официально или как мой личный врач?

– Как твой личный врач. А ты думал, что я хочу подложить тебе свинью?

– Нет, Вес, не думал. Прости меня, пожалуйста. Что ты спросил?

– Сколько у тебя было контузий?

– Серьезных?

– Когда ты терял сознание или ничего не мог вспомнить.

– Штук десять, – сказал полковник. – Считая и падение с лошади. А легких три.

– Ах ты старый хрен, – сказал врач. – Вы уж меня извините, господин полковник!

- Ну как, можно идти? - спросил полковник.

- Да, господин полковник, - сказал врач. - У вас все в порядке.

- Спасибо. Хочешь, поедem со мной, постреляем уток на болотах в устье Тальяменто? Чудная охота. Там имение одних славных итальянских парнишек: я с ними познакомился в Кортине.

- А болота - это где водятся кулики?

- Нет, в тех местах охотятся на настоящих уток. Парнишки очень славные. И охота чудная. Настоящие утки. Гоголи, шилохвости, чирки. Даже гуси попадают. Не хуже, чем у нас дома, когда мы были ребятами.

- Ну, я-то был ребенком в тридцатом году.

- Вот это подлость! Не ожидал от тебя.

- Да я совсем не то хотел сказать. Я просто не помню, чтобы у нас хорошо было охотиться на уток. К тому же я рос в городе.

- Тем хуже! Всем вам, городским мальчишкам, грош цена!

- Вы это серьезно, полковник?

- Конечно, нет. Какого черта ты спрашиваешь?

- Со здоровьем у вас все в порядке, полковник, - повторил врач. - Жалко, что я не могу с тобой поехать. Но я и стрелять не умею.

- Ну и черт с ним, - сказал полковник. - Какая разница? У нас в армии никто не умеет стрелять. Мне очень хотелось, чтобы ты со мной поехал.

- Я вам дам еще одно лекарство, вдобавок к тому, что вы принимаете.

- А разве есть такое лекарство?

- По правде говоря, нет. Хотя они там что-то придумывают.
- Ну и пусть придумывают, - сказал полковник.
- Весьма похвальная жизненная позиция, господин полковник.
- Иди к черту. Так ты не хочешь со мной ехать?
- С меня хватит уток в ресторане «Лоншан» на Медисон-авеню, - сказал врач. - Летом там кондиционированный воздух, а зимой тепло. Не надо вставать чуть свет и напяливать на себя теплые кальсоны.
- Ладно, городской пижон. Что ты понимаешь в жизни?
- И никогда не хотел понимать, - сказал врач. - А со здоровьем у вас все в порядке, господин полковник.
- Спасибо, - сказал полковник и вышел.

Глава третья

Это было позавчера. А вчера он выехал из Триеста в Венецию по старой дороге, которая шла от Монфальконе до Латизаны и потом прямо по равнине. Шофер у него был хороший, и он спокойно привалился к спинке переднего сиденья, поглядывая на места, которые знал еще мальчишкой.

«Сейчас они выглядят совсем иначе, - думал он. - Наверно, потому, что расстояния кажутся другими. Когда стареешь, все как будто становится меньше. Да и дороги теперь получше, и пыли такой нету. Когда-то я проезжал здесь на грузовике. Но чаще мы ходили пешком. Все, о чем я тогда мечтал, - это найти хоть полоску тени для привала и колодец на крестьянском дворе. И конечно - канаву. Ну до чего же меня в те времена привлекали канавы!»

Они свернули и по временному мосту переехали через Тальяменто. Берега зеленели, а на той стороне, где было поглубже, какие-то люди удили рыбу. Взорванный мост восстанавливали, гулко стучали клепальные молотки, а в восьмистах ярдах от моста стояли разрушенный дом и службы; по развалинам усадьбы, когда-то построенной Лонгеной, было видно, где сбросили свой груз средние бомбардировщики.

– Нет, вы подумайте, – сказал шофер. – У них что ни мост, что ни станция – кругом на целые полмили одни развалины.

– Отсюда мораль, – сказал полковник, – не строй себе дом или церковь и не нанимай Джотто писать фрески, если твоя церковь стоит в полумиле от моста.

– Я так и знал, господин полковник, что тут должна быть своя мораль, – сказал шофер.

Они миновали разрушенную виллу и выехали на прямую дорогу; в кюветах, обсаженных ивами, еще стояла темная вода, а на полях росли шелковицы. Впереди ехал велосипедист и читал газету, держа ее обеими руками.

– Если летают тяжелые бомбардировщики – другая мораль: отступи на целую милю, – сказал шофер. – Правильно, господин полковник?

– А если управляемые снаряды, то не на одну, а на двести пятьдесят миль. Ну-ка, погудите велосипедисту!

Шофер погудел, и тот съехал на обочину, так и не взглянув на них и не притронувшись к рулю. Когда они проезжали мимо, полковник высунулся, чтобы поглядеть, какую он читает газету, но заголовка не было видно.

– По-моему, теперь вообще не стоит строить себе красивых домов или церквей и нанимать этого, как его – как вы его назвали? – писать фрески.

– Джотто. Но это мог быть и Пьетро делла Франческа и Мантенья. И даже Микеланджело.

– Вы, видно, здорово знаете всех этих художников?

Теперь они ехали по прямому отрезку дороги и, стараясь наверстать время, гнали так, что один крестьянский дом словно наплывал на следующий; они почти сливались друг с другом, и видно было лишь то, что находилось далеко впереди и двигалось навстречу. За боковым стеклом тянулся безликий плоский пейзаж зимней равнины. «Я, пожалуй, не так уж люблю быструю езду, – думал полковник. – Хорош был бы Брейгель, заставь его наблюдать натуру из мчащегося автомобиля!»

– Художников? – переспросил он. – Да нет, Бернхем, не так уж много я про них знаю.

– Моя фамилия Джексон, господин полковник, Бернхема послали отдыхать в Кортину. Хорошее место, господин полковник.

– У меня, видно, память сдавать стала, – сказал полковник. – Простите, Джексон. Да, место там хорошее. Кормят недурно. Уход приличный. И никто к тебе не пристает.

– Это верно, господин полковник, – согласился Джексон. – Но я вас спросил о художниках из-за всех ихних мадонн. Я решил, что и мне надо посмотреть картины, и пошел во Флоренции в самое большое заведение, какое у них есть.

– Уффици? Питти?

– Понятия не имею, как оно называется. Но самое большое, какое там есть. Смотрел я, смотрел, пока меня от этих мадонн не замутило. Верно, тот, кто в картинах мало разбирается, только и видит что одних мадонн, и очень ему от этого мутно. Знаете, что мне кажется? Вы, верно, заметили, как все они тут помешаны на этих своих bambini[1 - Дети (ит.)], и чем меньше у них еды, тем больше bambini, а им все мало! Вот я и думаю, что их художники тоже были большими любителями bambini, как все итальянцы. Не знаю, те ли именно, кого вы назвали, и поэтому о них разговор особый, да вы меня и поправите, если я что скажу не так. Но мне лично сдается, что все эти мадонны – а я их, ей-богу, навидался досыта, – или, вернее сказать, все эти художники, которые только и знали, что рисовать мадонн... у всех у них только и было на уме что bambini... не знаю, поймете вы меня или нет...

- Не надо забывать, что им приходилось писать на одни только религиозные сюжеты.

- Это конечно, господин полковник. Значит, вы считаете, что взгляд мой правильный?

- Пожалуй. Только дело тут все же обстоит сложнее.

- Понятно, господин полковник. Взгляд мой на это дело еще не вполне окончательный.

- А у вас есть еще какие-нибудь взгляды насчет искусства, Джексон?

- Нет, господин полковник. Пока что я додумался только насчет bambini. Но чего бы мне хотелось - это чтобы они покрасивей нарисовали ту горную местность вокруг Кортины.

- Там родина Тициана, - сказал полковник. - Так по крайней мере считают. Я спустился в долину и видел дом, где, как говорят, он появился на свет.

- Шикарное место, господин полковник?

- Не очень.

- Ну что ж, если он рисовал картины с тех гор, - там такие скалы, ну прямо в цвет заката, сосны, кругом снег и остроконечные шпили...

- Campanile, - сказал полковник. - Такие, как там, впереди, в Чеджи. Колокольни.

- Ну что ж, если он в самом деле красиво срисовывал картины с той местности, я бы не прочь у него даже парочку купить.

- Он замечательно писал женщин, - сказал полковник.

– Вот если бы я держал кабак, или трактир, или постоянный двор, тогда мне пригодилась бы и женщина, – сказал шофер. – Но не дай бог я привезу домой картину с женщиной – моя старуха мне покажет! Костей не соберешь.

– Вы могли бы подарить картину местному музею.

– Господи, да что там у нас в музее? Наконечники стрел, боевые уборы из перьев, ножи для снятия скальпов, разные скальпы, рыбы окаменелости, трубка мира, фотографии Пожирателя Печенки Джонстона и шкура какого-то проходимца – его сперва повесили, а потом какой-то доктор содрал с него шкуру. Картина с женщиной там уже совсем некстати.

– Видите sampanile по ту сторону равнины? – спросил полковник. – Я вам покажу место, где мы воевали, когда я был мальчишкой.

– Вы разве и тут воевали, господин полковник?

– Да.

– А у кого в ту войну был Триест?

– У фрицев. Точнее говоря, у австрияков.

– Но мы его все же у них забрали?

– Только потом, когда кончилась война.

– А у кого были Флоренция и Рим?

– У нас.

– Ну что ж, тогда вам плакать было не о чем.

– «Господин полковник», – мягко добавил тот.

– Простите, господин полковник, – пробормотал шофер. – Я был в Тридцать шестой дивизии, господин полковник.

– Я видел у вас нашивку.

– Я как раз вспомнил Рапидо, господин полковник, а вовсе не хотел быть нахальным или грубить начальству.

– Верю, – сказал полковник. – Вы просто вспомнили Рапидо. Но имейте в виду, Джексон, у всякого, кто долго воевал, было свое Рапидо, и даже не одно.

– Ну, больше одного я бы не вынес, господин полковник.

Машина въехала в веселый городок Сан-Донади-Пьяве. Его заново отстроили, но он от этого не стал уродливее любого городка Центрального Запада США. «Он выглядит таким процветающим, – думал полковник, – а Фоссальта чуть выше по реке – такой нищей и унылой. Неужели Фоссальта так и не оправилась после первой войны? Но я ведь не видел ее до того, как ее разбомбили, – подумал он. – Город здорово обстреливали перед большим наступлением пятнадцатого июня тысяча девятьсот восемнадцатого года. А потом и мы по нему били, перед тем как взять обратно». Он вспоминал, как началась атака – от Монастье, через Форначе. В этот зимний день он вспоминал о том, что случилось в то лето.

Несколько недель назад он проезжал через Фоссальту и спустился к реке на то место, где его когда-то ранило. Место это нетрудно было найти – здесь была излучина; там, где когда-то стояли тяжелые пулеметы, воронка густо заросла травой. Козы или овцы выщипали траву, и впадина стала похожа на выемку для игры в гольф. Река текла медленно, она была мутно-синяя и заросла по берегам камышом; пользуясь тем, что кругом ни души, полковник присел на корточки и, глядя за реку с того берега, где раньше нельзя было днем и головы поднять, облегчился на том самом месте, где, по его расчетам, он был тяжело ранен тридцать лет назад.

– Не бог вещь какое достижение, – сказал он реке и берегу, напоенным осенней тишиной и сыростью после обильных дождей. – Но зато лично мое.

Он встал и огляделся. Вокруг никого не было; машину он оставил на дороге перед крайним и самым унылым из новых домов Фоссальты.

– А теперь я дострою памятник, – сказал он, хотя слышать его могли одни мертвецы, и вынул из кармана старый золингенский складной нож, какие носят немецкие браконьеры. Нож щелкнул; повертев им, он выкопал в сырой земле аккуратную ямку. Обтерев нож о правый сапог, он сунул в ямку коричневую бумажку в десять тысяч лир, притоптал ямку и прикрыл дерном.

– Двадцать лет по пятьсот лир в год за Medaglia d'Argento al Valore Militare[2 - Серебряная медаль за воинскую доблесть (ит.)]. За Крест Виктории, если не ошибаюсь, платят десять гиней. Медаль «За отличную службу» не дает ни гроша. Серебряная Звезда тоже. Ладно, сдачу я оставлю себе.

«Вот, теперь все в порядке, – думал он. – Дерьмо, деньги и кровь; погляди только, как растет здесь трава; а в земле ведь железо, и нога Джино, и обе ноги Рандольфо, и моя правая коленная чашечка! Прекрасный памятник! В нем есть все – залог плодородия, деньги, кровь и железо. Чем не держава? А где плодородная земля, деньги, кровь и железо – там родина. Но нам нужен еще и уголь. Надо достать немножко угля».

Потом он посмотрел за реку, на вновь отстроенный белый дом, который тогда был грудой развалин, и плюнул в реку. Он стоял далеко от воды и доплюнул с трудом.

– Я никак не мог сплунуть в ту ночь и долго еще после этого, – сказал он. – Но теперь я неплохо плююсь для человека, который не жует резинку.

Он медленно пошел назад, к машине. Шофер спал.

– А ну-ка, проснитесь, – сказал он. – Разворачивайтесь, поедем по той дороге на Тревизо. В этих местах карта нам не нужна. Я скажу, где свернуть.

Глава четвертая

Теперь, по пути в Венецию, он держал себя в руках и старался не думать о том, как сильно его туда тянет, а большой «Бьюик» миновал тем временем последние строения Сан-Дона и въехал на мост через Пьяве.

Они пересекли реку и очутились на итальянской стороне; он снова увидел старую дорогу с высокими откосами. Как и всюду вдоль реки, она была здесь ровная и однообразная. Но глаз его различал старые окопы. По обе стороны прямой, гладкой дороги, по которой они катили на полной скорости, текли обсаженные ивами каналы; когда-то в них плавали трупы. Наступление окончилось страшной бойней, солнце припекало, и, чтобы расчистить позиции у реки и дорогу, кто-то приказал сбросить трупы в каналы. К несчастью, шлюзы в низовьях все еще находились в руках австрийцев и были на запоре.

Вода стояла почти без движения, и мертвые – их и наши – запрудили каналы надолго, плавая лицом кверху или лицом книзу, пучась, раздуваясь и достигая чудовищных размеров. В конце концов, когда все поуспокоилось, рабочие команды стали по ночам вылавливать трупы и хоронить их у самой дороги. Полковник посмотрел, не видно ли на обочинах особенно пышной растительности, но ничего не заметил. А в каналах плавали утки и гуси, и вдоль всей дороги люди удили рыбу.

«Да ведь их же всех вырыли, – подумал полковник, – и похоронили на том большом ossario[3 - Кладбище (ит.).] под Нервесой».

– Мы воевали тут, когда я был мальчишкой, – сказал полковник шоферу.

– Чертовски ровная местность, воевать здесь худо, – ответил шофер. – А реку держали вы?

– Да, – сказал полковник. – Мы держали ее, теряли и брали снова.

– Куда ни посмотришь, негде укрыться.

– В том-то и беда, – сказал полковник. – Приходилось цепляться за малейший бугорок, который не сразу и увидишь. За любую канаву, дом, откос на берегу канала, живую изгородь. Совсем как в Нормандии, только здесь еще ровнее. Наверно, так воевали в Голландии.

– Да уж, этой реке далеко до Рапидо.

– Тогда это была совсем неплохая речка, – сказал полковник. – Пока не построили все эти гидростанции, в верховьях воды было много. А когда она мелела, среди гальки вдруг открывались омуты, глубокие и коварные. Было там одно место – Граве-де-Пападополи, – вот где было особенно паршиво.

Он знал, что о чужой войне слушать очень скучно, и замолчал. «Каждый смотрел на войну со своей колокольни, – подумал он. – Никто не интересуется войной отвлеченно, кроме разве настоящих солдат, а их немного. Вот готовишь солдат, а лучших из них убивают. И потом каждый так занят своими делами, что ничего не видит и не слышит. Думает только о том, что сам пережил, и, пока ты говоришь, прикидывает, как бы похитрее ответить и добиться повышения или каких-нибудь выгод. Зачем же надоедать этому парню, который, несмотря на свою нашивку фронтовика, медаль за ранение и другие побрякушки, вовсе не солдат; на него против воли напялили военную форму, а теперь он, видно, решил остаться в армии по каким-то своим соображениям».

– Чем вы занимались до войны, Джексон? – спросил полковник.

– Мы с братом держали гараж в Ролинсе, штат Вайоминг.

– Собираетесь туда вернуться?

– Брата убили на Тихом, а парень, на которого мы оставили гараж, оказался бездельником, – сказал шофер. – Мы потеряли все, что туда вложили.

– Обидно, – сказал полковник.

– Еще бы, черт его дери, не обидно, – сказал водитель и добавил: – ...господин полковник.

Полковник поглядел вперед, на дорогу.

Он знал, что скоро будет перекресток, которого он ждал и никак не мог дожждаться.

– Смотрите в оба и на первом развилке сверните влево, на проселок, – сказал он шоферу.

- А вы уверены, что наша машина пройдет по этой низине?
 - Посмотрим, - сказал полковник. - Какого черта, ведь дождей не было уже три недели.
 - Что-то я не больно доверяю здешним проселкам. Кругом болота.
 - Если мы застрянем, волю нас вытащат.
 - Да я ведь беспокоюсь только о машине.
 - А вы побеспокойтесь лучше о том, что я сказал, и сверните влево на первый же проселок, если он будет выглядеть мало-мальски сносно.
 - Вот, видно, и он, там, где изгородь, - сказал шофер.
 - За нами дорога пустая. Остановитесь у самой развилки, а я выйду погляжу.
- Он вылез из машины, перешел на другую сторону широкого асфальтированного шоссе и посмотрел на узкую грунтовую дорогу, на быстрое течение идущего вдоль нее канала и густую живую изгородь на том берегу. За изгородью виднелся приземистый красный крестьянский дом с большим амбаром. Дорога была сухая. Даже телеги не выбили на ней колеи. Он вернулся к машине.
- Бульвар, а не дорога, - сказал он. - Можете не беспокоиться.
 - Слушаюсь, господин полковник. Машина-то ведь ваша.
 - Верно, - сказал полковник. - Я еще до сих пор за нее не расплатился. Скажите, Джексон, вы всегда так переживаете, когда сворачиваете с шоссе на проселок?
 - Нет, господин полковник. Но ведь одно дело «Виллис», а другое - машина с такой низкой посадкой, как эта. Вы же знаете, господин полковник, она может сесть на диффер. Можно и раму повредить.

– У меня в багажнике лопата и цепи. Вот когда выедем из Венеции, там действительно будет о чем беспокоиться.

– А мы поедem и дальше на этой машине?

– Не знаю. Посмотрим.

– Подумайте о крыльях, господин полковник.

– На худой конец подрежем крылья, как это делают индейцы в Оклахоме. Крылья у нее чересчур большие. Все у нее больше, чем надо, кроме мотора. Мотор у нее, Джексон, настоящий.

– Еще бы, господин полковник. Вести такую мощную машину по хорошему шоссе – одно удовольствие. Вот я и не хочу, чтобы с ней что-нибудь случилось.

– Это вы молодец, Джексон. Ну а теперь бросьте переживать.

– Я не переживаю, господин полковник.

– Вот и отлично, – сказал полковник.

Сам он забыл обо всем, потому что как раз в эту минуту увидел парус, который мелькал впереди, за купой коричневых деревьев. Это был красный парус, косо и круто уходивший вниз; он медленно плыл за деревьями.

«Почему всегда сжимается сердце, когда видишь, как вдоль берега движется парус? – подумал полковник. – Почему у меня сжимается сердце, когда я вижу больших, неторопливых светлых быков? Дело, верно, в их поступи, во всем их виде, величине и окраске.

Но меня трогают и красивый крупный мул, и цепочка холеных вьючных мулов. И койот, всякий раз, когда я его вижу, и волк, который движется иначе, чем все другие звери, серый и такой уверенный в себе, гордо несущий свою тяжелую голову с недобрыми глазами».

– Вы когда-нибудь видели волков в окрестностях Ролинса, Джексон?

– Нет, господин полковник. С волками покончили, когда меня еще не было на свете; их всех потравили. Зато койотов у нас сколько угодно.

– Вам нравятся койоты?

– Я люблю слушать их по ночам.

– Я тоже. Больше всего на свете. Да еще – смотреть на парусные лодки, плывущие между берегов.

– Вон как раз идет такая лодка, господин полковник.

– По каналу Силе, – сообщил полковник. – Этот парусник плывет в Венецию. Ветер дует с гор, и лодка идет довольно быстро. Если ветер не стихнет, ночью подморозит и уток будет видимо-невидимо. Сверните-ка налево и поезжайте вдоль канала. Дорога тут хорошая.

– В наших местах редко охотятся на уток. А вот в Небраске на реке Платт уток сколько угодно.

– Хотите поохотиться там, куда мы едем?

– Пожалуй, не стоит. Стрелок я неважный, лучше поваляюсь подольше. У меня ведь спальник мешок с собой. Утро-то будет воскресное.

– Это верно, – сказал полковник. – Можете валяться хоть до полудня.

– Я захватил порошок от клопов. Сосну как следует.

– Порошок, пожалуй, не понадобится, – сказал полковник. – А вы консервов из пайка захватили? Еда ведь будет только итальянская.

– Как же, запасся. И самим хватит, и других угостить сможем.

– Вот и отлично, – сказал полковник.

Теперь он смотрел вперед: дорога, бежавшая вдоль канала, снова должна была выйти на шоссе. Он знал, что в такой ясный день, как сегодня, с развилка все будет видно. На болотах, бурых, как болота зимой в устье Миссисипи, вокруг Пайлоттауна, резкие порывы северного ветра пригибали к земле тростник; а вдали была видна квадратная башня церкви в Торчелло и высокая campanile в Бурано. Море было синевато-серым, как сланец, и он насчитал двенадцать парусников, плывущих по ветру в Венецию.

«Придется подождать. Когда переедем мост через Дезе под Ногерой, – сказал он себе, – все будет видно как на ладони. Подумать только – целую зиму мы защищали этот город тут, на канале, и ни разу его не видали. Но однажды я был в тылу, у самой Ногеры, день стоял холодный и ясный, как сегодня, и я впервые его увидел на той стороне залива. Но так туда и не попал. А все же это мой город – я воевал за него еще мальчишкой, а теперь, когда мне полвека от роду, они знают, что я за него воевал, и я для них желанный гость.

Ты думаешь, что ты поэтому для них желанный гость? – спросил он себя.

Может быть. А может быть, потому, что ты штабное начальство из армии победителей. Хотя вряд ли. Надеюсь, что нет. Это ведь тебе не Франция, – подумал он.

Там ты дерешься за какой-нибудь город, который тебе дорог, и дрожишь, как бы чего в нем не попортить, а потом, если только у тебя есть голова на плечах, ты и носа туда больше не покажешь: непременно напорешься на какого-нибудь вояку, который тебе не простил, что ты брал этот город. *Vive la France et les pommes de terre frites. Liberte, Venalte, et Stupidte!*[4 - Да здравствует Франция и жареная картошка. Свобода, Продажность и Глупость! (фр.)] Уж эта мне великая *clarte*[5 - Ясность (фр.)] французской военной мысли! Не было у них ни одного военного мыслителя со времен дю Пика. Да и тот был несчастным полковником, вроде меня. Манжен, Мажино и Гамелен. Выбирайте по своему вкусу, господа! Три школы военной мысли. Первая: дам-ка я им в морду. Вторая: спрячусь за эту штуковину, хоть она у меня и левого фланга не прикрывает. Третья: суну голову в песок, как страус, и понадеюсь на военную мощь Франции, а потом пушусь наутек.

Пуститься наутек – это еще деликатно сказано. Впрочем, – подумал он, – справедливости ради не стоит слишком упрощать. Вспомни хороших ребят из Сопротивления, вспомни Фоша – он ведь и воевал, и сколачивал армию; вспомни,

как прекрасно держались люди. Вспомни добрых друзей и вспомни погибших. Вспомни многое, еще разок вспомни самых лучших друзей и самых лучших ребят, которых ты знал. Не злись и не валяй дурака. И нечего тебе все кивать на солдатское ремесло. Хватит, – сказал он себе. – Ты ведь поехал развлекаться».

– Джексон, – сказал он, – вам здесь нравится?

– Да, господин полковник.

– Отлично. Сейчас мы подъедем к одному месту, которое я хочу вам показать. Вы на него только разок поглядите, и все. Вся операция пройдет для вас совершенно безболезненно.

«Чего это он на меня взелся? – подумал шофер. – Вот воображает! Конечно, был важной шишкой! Но хороший генерал генералом бы и остался. Видно, его на войне так исколошматили, что даже мозги вышибли».

– Вот посмотрите, Джексон, – сказал полковник. – Поставьте машину на обочину и давайте поглядим отсюда.

Полковник и шофер перешли через дорогу и посмотрели на другую сторону лагуны – воду ее хлестал резкий, холодный ветер с гор, и контуры строений казались четкими, как на чертеже.

– Прямо перед нами Торчелло, – показал полковник. – Там жили люди, согнанные с материка вестготами. Они-то и построили вон ту церковь с квадратной башней. Когда-то тут жило тридцать тысяч человек; они построили церковь, чтобы почитать своего бога и воздавать ему хвалу. Потом, после того как ее построили, устье реки Силе занесло илом, а может, сильное наводнение погнало воду по новому руслу; всю эту землю, по которой мы сейчас ехали, затопило, расплодились москиты, и люди стали болеть малярией. Они мерли, как мухи. Тогда собрались старейшины и решили переселиться в здоровую местность, которую можно оборонять с моря и куда вестготы, ломбардцы и прочие разбойники не смогут добраться, потому что у этих разбойников нет морских судов. А ребята из Торчелло все были отличными моряками. Вот они и разобрали свои дома, камни погрузили на барки, вроде той, какую мы сейчас видели, и выстроили Венецию.

Он замолчал.

- Вам не скучно это слушать, Джексон?

- Нет, господин полковник. Я и понятия не имел, кто пришел сюда первый, как наши пионеры.

- Люди из Торчелло. Это были лихие ребята, и строили они хорошо, с большим вкусом. Они вышли из деревушки Каорле, там, выше по побережью, а во время нашествия вестготов к ним сбежалось все население окрестных городов и сел. И один парень, который возил оружие в Александрию, нашел там тело святого Марка и вывез его, спрятав под свиными тушами, чтобы мусульманские таможенники не нашли. Он тоже был из Торчелло. Этот парень привез тело в Венецию, и теперь святой Марк - их покровитель, и они построили ему собор. Но к тому времени они уже торговали с далекими восточными странами, и архитектура у них стала, на мой взгляд, слишком византийской. Никогда они не строили лучше, чем в самом начале, в Торчелло. Вот оно, Торчелло.

- А площадь Святого Марка - это там, где много голубей и где стоит такой громадный собор, вроде шикарного кинотеатра?

- Вот именно, Джексон. Это вы точно подметили. Все ведь зависит от того, как на что посмотреть. А теперь поглядите туда, за Торчелло, видите ту красивую *campanile*, на Бурано? У нее почти такой же наклон, как у падающей башни в Пизе. Бурано - густонаселенный островок, женщины там плетут прекрасные кружева, а мужчины делают *bambini*; днем они работают на стекольных заводах вот на том островке, по соседству с другой *campanile*, это - Мурано. Днем они делают прекрасное стекло для богачей всего мира, а потом возвращаются домой на маленьком *varopetto*[б - Пароходик (ит.)] и делают *bambini*. Однако не все проводят каждую ночь в постели с женой. По ночам они еще охотятся на уток по кромке болот в этой лагуне; они охотятся на плоскодонках, с длинными ружьями. В лунную ночь выстрелы слышны до самого утра.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дети (ит.).

2

Серебряная медаль за воинскую доблесть (ит.).

3

Кладбище (ит.).

4

Да здравствует Франция и жареная картошка. Свобода, Продажность и Глупость! (фр.)

5

Ясность (фр.).

6

Пароходик (ит.).

Купить: https://telnovel.me/ru/heminguey_ernest/za-rekoy-v-teni-derev-ev

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)